

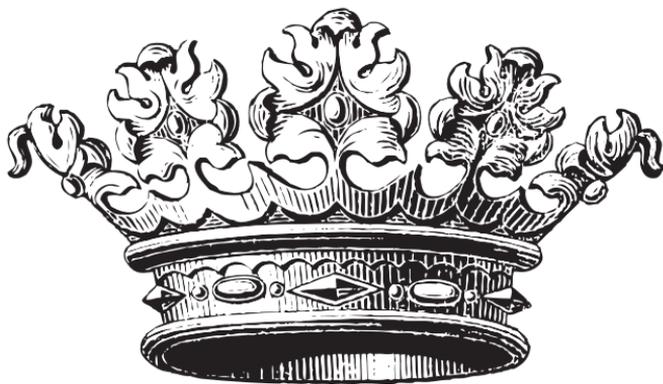
ЦИКЛ
Андрея Поснякова

Варвар

Воин Аттилы
Корона бургундов
Зов крови

Андрей Посняков

Варвар

Зов крови

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П62

«Ведунская серия»

Оформление обложки *Владимира Гусакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П62   Посняков, Андрей Анатольевич

Варвар: Зов крови: роман / Андрей Посняков. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ле-
нинград», 2016. — 384 с. (Ведунская серия).

ISBN 978-5-17-097568-6

Наш современник Родион Миронов, в пятом веке — от южнорусских степей до Галлии — известный как князь Радомир, вынужден вновь вернуться в прошлое. Их род, их селения постигла злая участь — страшная эпидемия чумы, пришедшая с запада вместе с уходящими гуннами. Болезнь не щадит никого, и только князь и княгиня, как сакральные символы рода, могут остановить черную смерть, источник которой — проклятье Аттилы. Мертвый, он так же страшен, как и живой. Венец бургундов, дающий власть, тот, что правитель гуннов давно искал и обрел лишь перед самой смертью, необходимо вернуть, положить в его могилу... которую еще нужно отыскать.

А чума свирепствует все сильнее, уже вымерла большая часть рода и некому хоронить умерших. Вся округа, леса, поля и степи дышат ужасной смертью, спасение от которой — в руках Радомира и бургундской девы Хильды.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097568-6

© Андрей Посняков, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Лето. Где-то на юге России

Станица

«Привет участникам двадцать седьмого слета юных туристов» — растянутый кумачовый лозунг пожаром ударил в глаза. Рад зажмурился, потряс головой — исчезнет ли морок? Нет, не исчезал — все так же краснел на фоне светлого неба растянутый меж двумя березами баннер. «Привет...»

— Привет, привет, — довольно усмехнулся молодой человек.

Как ни странно, но особой радости он почему-то не чувствовал — душа не пела и сердце не ёкало, не рвалось из груди, и не хотелось обнять небо. Может быть, потому что все же еще не до конца верилось. Может быть, опять промахнулся, как в прошлый раз, когда, вернувшись из середины пятого века вовсе не в свое время, а в тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, да еще не в свой мир, а в какой-то параллельный, где Лаврентий Павлович Берия вовсе не расстрелян, не враг народа и не английский шпион, а наоборот, — достойный член правительства, первый заместитель Маленкова. От этого, кстати, жизнь советских людей вовсе не ухудшилась, а даже лучше стала.

Рад, Родион, Радик... Радомир, как называли его там... в пятом веке, где Рад, в общем-то, оказался случайно, провалившись в болотную жижу во время таких же соревнований. Таких же... Этих же? Может, сюда

же и вернулся? Может, его даже и искать не начали? Вроде как утро еще раннее, с ночного ориентирования далеко не все прибежали.

Молодой человек снова зажмурился: а вдруг все, что с ним случилось — сон? Как в старом фильме — упал, потерял сознание, очнулся — гипс. То есть не гипс — середина пятого века от Рождества Христова. Селение словен — они же склавины, анты — соседи готы... Еще и гунны, гепиды, военный поход, Аттила... слава Господу, уже мертвый. Хильда... Конечно же — Хильда! Неужели и она привиделась? Законная венчанная супруга — юная готская дева (по отцу, как выяснилось, бургундка), голубоглазая красавица с длинными, цвета белого золота, волосами. Ее Родион видел в снах... как и она его. Еще до встречи. Так что же, действительно все привиделось? И не было ничего: ни великих битв, ни отчаянных схваток, ни верных друзей, ни Влекумера-жреца, ни... ни даже пятьдесят восьмого года с бежевой «Победой», на которой, кстати, и ушли... ушли в прошлое, а потом вырвались... Вот сейчас вот вырвались... наверное. Если было все... Радик вовсе не ощущал себя сейчас почти былинным героем и вождем — князем! — Радомиром, чье имя и чью судьбу столь удачно примерил. Он был сейчас тем, кем и являлся — молодым двадцатилетним парнем, заядлым туристом, шофером, недавно отслужившим в армии и приехавшим на туристский слет. Друзей посмотреть, себя показать. А тут какое-то болото... Вон, до сих пор вся одежда в тине!

Одежда?

Заляпанные в густо-зеленой болотной жиже штаны, узкие, шерстяные, поверх которых — кожаная оплетка обуви... Темно-зеленая рубаха, длинная и тяжелая, богато расшитая по вороту, манжетам и подолу, пояс... Обтянутые зеленым сафьяном ножны на перевязи, а в них — меч! Ну, конечно же — меч! Верный клинок по

имени «Гром Победы», подарок названного братца Истра. Очень хороший меч, выполненный из нескольких видов металла, закаленный, с проступающим из глубины клинка, если подышать, рисунком... Гибкий, прочный, с углублением — долом — для крепости и легкости, а вовсе не для стока крови, как почему-то многие думают. Гарды, по сути, нет, лишь полукружье, зато щедро украшенная золотом рукоять. Цены такому мечу нет, оружие доброе, даже больше, чем оружие — друг! Гром Победы.

Вытащив клинок, Родион — князь Радомир! — поцеловал оружие и, убрав его обратно в ножны, обернулся на крик.

— Радо-м-и-и-и-ир! Ты где, милый? — Кричала-звала Хильда, красавица жена, любимая, ради которой... Господи, как хорошо, что все было! Есть...

— Я здесь, любя. Сейчас иду.

Оглянувшись на баннер, молодой человек быстро зашагал к болоту, где, за кустами, виднелась бежевая «Победа». На ней и ушли, а иначе — только с кровью. Как объяснял жрец Влекумер — та еще сволочуга! — переход требовал жертвы, крови. Человеческой, разумеется. А на хорошей скорости можно было уйти и так. Как вот они и ушли. Ушли... Наконец-то!

— Ах, ты ж моя краса! — подбежав, Рад обхватил супругу, поднял на руки, крепко целуя в губы.

— О, мой князь... — Хильда обняла мужа за шею. Так вот, вместе, они и повалились в траву, мягкую и густую, напоенную сладким запахом клевера и терпкостью растущих рядом кустов. Смородина, дрок, бузина? А может, малина?

— Родная моя...

Покрывая поцелуями нежную шею любимой, молодой человек снял с нее пояс, а затем и тунику... верхнюю... нижнюю... Тут же сбросил и свою, в траву, рядом, накрыл губами трепетную и упругую женскую грудь,

утонул в голубых глазах, словно в озере... в море, в океане, провалился в сладострастную негу, из которой не хотелось выходить никогда, никогда, никогда...

Гибкие загорелые тела сплетались в густой зелени трав, в синем высоком небе радостно пели птицы... туда же улетали и души влюбленных, кружили над напоенной утренним солнцем землею, поднимаясь все выше и выше.

— Ах, — сладостно застонала Хильда, Радомир тоже выкрикнул что-то... непонятно, что... то ли крик, то ли стон...

Где-то рядом, в кустарнике, кто закашлялся. Потом громко чихнул.

В изнеможении раскинув в траве руки, красавица тихонько засмеялась. Рад же, вздрогнув, приподнялся на локте:

— Кто здесь?

— Туристы мы...

— Будьте здоровы.

— Вы бы это... — в кустах явно замялись, не зная, как и сказать.

Голос-то явно принадлежал человеку пожилому и, верно, тактичному, совестливому...

— У нас тут соревнования... Гать...

— А, гать! — Родион поспешно натянул одежду, похоже, мужичка-то этого он знал. — Так и мы тоже — туристы. У Валентиныча...

Михаил Валентиныч — он же просто Валентиныч, или совсем уж по-простому — дядя Миша — и был капитаном команды.

Одевшись, молодой человек шепнул: «Подожди, милая» — и быстро зашагал к кустам, за которыми виднелась недавно выкопанная траншея с положенными поперек нее бревнами и вдоль — жердинами — туристская полоса препятствия, именуемая «гать».

А седенький, в синем спортивном костюме, мужичок, был на этом этапе судьей и вот, видать, ждал команду. Как же его, блин... Олег Константинович? Или Константин Олегович?

— Здравствуйте, Олег Константинович!

— Константин Олегович. Здоров, брат! — мужичок протянул руку, сухую и жилистую, и несколько сконфуженно хмыкнул: — С женой тут или...так?

— С женой.

— Вот и славно.

— Константин Олегович, а я вас с Калуги помню. Шесть лет назад... я там еще с дерева в лужу упал — вот смеху было!

— Калуга? — судья прищурился. — Ну, как же, помню, помню... Только, кажется, там с дерева-то Радик падал, тоже из Валентиныча команды паренек. Ты на него, кстати, похож чем-то... немного, но... Есть что-то общее. Часом не родственник? Кстати, как Радик-то, навещаете его?

Молодой человек прикрыл глаза, стараясь не показать удивления — он пока еще не понимал, о чем идет речь. А потому дальше беседу продолжал осторожненько — навещаем, мол...

Навещаем... Интересно только — где? Что, они ему тут могилку уже успели выкопать? Рядом вот, на болоте.

— Да-а, — Константин Олегович сочувственно пощипал губами. — Вот уж не повезло парню, в такую жару — в больнице лежать. Как у него нога-то? Заживает? Правду говорят — перелом?

— Похоже на то, — озабоченно протянул Радик. — Мы вот с женой как раз сегодня его навещать собрались. Блин... не помню, сколько до райцентра примерно.

— Да километров двадцать, — охотно подсказал судья. — Вовку Михалыча из Чудского знаешь?

— Ну да! — вспомнив, радостно закивал молодой человек. — Длинный такой, с усами... Мы с ним года три назад за пивом ездили, в Марий Эл.

— Помню я Марий Эл, — собеседник улыбнулся. — Хорошо тогда провели все, и, главное, с погодой повезло.

— Машина-то у него та же — старый джип? Красная такая...

— Она. Новой еще не купил, говорит — и на этой неплохо, — судья вдруг замолчал и прислушался. — Ага, бегут уже.

— Ну, не буду мешать. Приятно поболтать было. Бывайте, Константин Олегович.

— И тебе того же. Радику привет.

Родион уже отошел на десяток шагов, когда Константин Олегович его окликнул:

— Вы это, поторопитесь с супругой своей — Вовка-то уже сейчас выезжает.

— Спасибо! А он по какой дороге?

— Да тут, недалече, — судья показал рукой. — Вон, по той тропке выйдете. Ой... — Вот только сейчас собеседник обратил внимание на странный наряд Рада. — Ты чего это так...

— А-а-а... к художке готовимся! Конкурс художественной самодеятельности в этом году — точно выиграем!

Константин Олегович хмыкнул:

— Ну, судя по костюмам — да. Это у вас национальный?

— Гм... можно сказать и так.

— Марийцы тоже в национальных, и эти, с Урала...

— «Кубинцы», что ли?

— Они.

Вообще-то, местечко называлась «Сива» — то ли городок, то ли поселок городского типа. Сива... Но все

почему-то читали его по-латыни — Куба. Вот и прозвали тамошних туристов «кубинцами».

— А марийцы еще и бога своего с собой привезли, — крикнул вдогонку судья. — Целого идола. Вчера ему целую ночь молились, коньяком поили... Так что еще как посмотреть, кто завтра художку выиграет!

Оставив Хильду присматривать за «Победой», Родион пустился по указанной тропке бегом. Оно, конечно, можно было бы, и на «своей» машине съездить, да вдруг гаишники? Покажите-ка, мол, документики? А где документики? В «Победе», вестимо... техпаспорт... в пятьдесят четвертом году выданный. И владелец — МТС, во все не компания сотовой связи, а машинно-тракторная станция. Тем более, раз уж тут такая оказия — джип. Да и за супругу можно было не волноваться — что ей тут сделается-то? Местные сюда, к болоту, не ходят, а туристы — народ незлобивый, мирный.

— Только ты побыстрее, милый, — прощаясь, крикнула Хильда.

— Постараюсь. А ты не скучай, можешь даже вздремнуть пока.

— Милый... — Юная супруга вскинула брови. — А мы... мы там, где надо? В твоём племени? Не как в прошлый раз?

— Вот это-то я и хочу выяснить.

Кроме усатого и длинного Вовки Михалыча, в красном джипе еще уместилось двое парней и девушка, ну и Родиона взяли, едва стоило рукой махнуть.

— В райцентр?

— Туда.

— Радика навестить не подбросите?

— Мы и сами навестим, только потом к друзьям уедем, а в лагерь только завтра вернемся.

— Ничего. Уж до лагеря я как-нибудь доберусь — попутки ходят.

Молодой человек уселся на заднее сиденье, рядом с рыжей девицей в короткой — выше некуда — юбке:

— Ничего, не зажал?

— Сиди, сиди... Ты чего в таком прикиде-то?

— Художку репетировали. А сказали — Михалыч в райцентр едет, я и побежал... некогда было и переодеться.

— Да уж подождали бы, ладно, — обернулся из-за руля владелец джипа. — Прикид, конечно, да... Местные точно за артиста примут. Все девки твои, верно, Аллочка?

Рыжеволосая Аллочка томно засмеялась, едва не подавившись жвачкой — машину как раз тряхнуло на какой-то коряге.

— Ничего, ничего... — Родион тут же похлопал за кашлявшуюся девушку по спине.

Аллочка благодарно кивнула:

— Спасибо.

И посмотрела на молодого человека уже более пристально:

— Тебя как звать-то?

— Ра... Роман.

— Ты, Ромик, на Радьку чем-то похож. Ну, ведь похож, верно?

Тут уже на Радомира выпялились и остальные, что молодого человека отнюдь не порадовало, хоть, конечно, его случайные попутчики вовсе не были древними людьми, подмечавшими все. Уж тех-то в подобных случаях не обманешь!

— Похож, да, — обернувшись, согласно кивнул сидевший на переднем сиденье парень, которого Рад видел и раньше, только вот, как зовут, не помнил. То ли Толик, то ли Шурик...

Рыженькая Аллочка хлопнула в ладоши:

— Вот! И Толик, заметил.

Ага, значит, Толик все-таки...

Девушка снова повернулась к Раду:

— Только ты, Ромик, конечно, повыше, в плечах шире... такой основательный, крепкий! Радьке до тебя далеко... Но... вот бороду тебе сбрить, да подстричься — похожи будете очень. Лица у вас у обоих такие... напоминающиеся. Только Радик, он более такой, наивный, что ли... Хотя и в армии успел послужить. Ой, как мы с ним три года назад зажигали! В Хосте, помните?

— И не в Хосте, а в Каньоне Дьявола, рядом с колхозом «Красный рассвет», — тут же поправил Рад.

— О, и ты там был? Что-то я тебя сразу не вспомнила!

Зато Родион вспомнил. Действительно, с этой вот рыжеволосой Аллочкой они и зажигали на дискотеке под открытым небом. Правда, дискотека не долго длилась — гром загремел, затем — ливень. Целовались уже в палатке, а до большего дело не дошло — слишком уж кругомлюдно было. Только вот эта Аллочка тогда блондинкой была... крашеной. И стрижка — в каре, а не как сейчас — по плечам волосы. Трудно узнать.

— Как хоть Радик-то не уберется? Ну, зачем он в это поганое болото полез? А там еще и яма, овраг...

— Наверное, путь хотел срезать.

— Вот и срезал. Теперь остаток лета — коту под хвост.

— Ничего, парень он молодой, крепкий. Быстро восстановится, еще в следующем году всех нас в «личке» сделает.

— А вот это — запросто!

По радио звучал какой-то сопливо гнусный шансон — никакой другой музыки местные FM-станции

почему-то не передавали. По обеим сторонам шоссе проносились бескрайние поля, засеянные желтым подсолнухом и кукурузой. Кое-где поля прерывались бахчами, и тогда в открытые окна джипа врвался сладкий аромат дынь и арбузов. Пригревало солнышко, но еще не пекло. Шеренгами стоявшие вдоль дороги тополя приветливо шевелили кронами.

— Вон станица, — водитель кивнул на поворотку. — Говорят, когда-то и там больница была. Года два назад сократили.

— Какой-нибудь «Газпром» лучше бы сократили, — угрюмо буркнул Толик. — Или «Роснано»... Рос-пилнано... Вот как людям без больницы жить? Станица-то не маленькая, тысяч семь. Да еще хутора, деревни? А там ведь одни старики, где им до райцентра добраться.

— Хорошо хоть дорога есть.

— Да, дорога хорошая.

В этот момент позади раздался вдруг утробный рев сигнала, и мимо красного джипа Вовика Михалыча промчался черный лаковый внедорожник «Тойота — Лэнд Крузер».

— Вот сволота! — покачал головой Михалыч. — Я сто двадцать иду, а они... все сто пятьдесят. И куда так нестись?

— Главное — зачем? Ведь тут и торговцы на обочинах, и детишки на велосипедах.

— А давайте остановимся, чего-нибудь купим.

— Нет уж! — решительно возразил водитель. — Помню я, как по приезде коньяк купили. Так же вот, на обочине. Так я с того чертова коньяка... Так что терпите до магазина, девчонки!

Впереди уже показался райцентр, приехали — стандартные пятиэтажные домики времен брежневского социализма сменились сталинским псевдоклассицизмом с обсыпавшейся от времени штукатуркой.

— Районная администрация, — тоном профессионального экскурсовода пояснил Михалыч. — Бывший райком партии. Вон, еще и Ленин с протянутой рукой стоит, видите?

— Ой, точно!

— Где? Где Ленин?

— Проехали уже, Аллочка. Сейчас и больница.

Районный стационар располагался рядом с администрацией, на углу двух широких, посаженных разлапистыми каштанами, улиц. Высокий глухой забор, выкрашенный светло-желтой краской, распахнутые настежь ворота, за которыми виднелись обшарпанные от времени — тоже в сталинском стиле — постройки, как видно — отделения различного профиля. Главное же — административное — здание было новым, трехэтажным, из стекла и бетона. Этаким местный модерн.

Выйдя из джипа, туристы прикупили в приткнувшемся напротив регистратуры киоске синие бахилы и, натянув их на ноги, дружной толпой завалились в палату, благо идти было недалеко — травматологическое отделение располагалось здесь же, на втором этаже.

— Можно? — первой в палату заглянула Аллочка. И тут же обернулась. — Заходим, ребята! Не спит.

Сглотнув образовавшийся в горле ком, Рад вошел последним, скромненько встав за спинами посетителей. Глянул на лежавшего на койке парня с забинтованной ногой...

Словно в зеркало посмотрел.

Сомнений никаких не осталось. Он!

Точно — Миронов Родион Данилович, каким был и сам Радомир года два-три назад. Молодой, только что отслуживший в армии парень, подтянутый, крепкий, однако вовсе не такой мускулистый и сильный, как сейчас Рад. А помашка-ка мечом да секирой! Не такие еще мускулы нарастишь!